

20. Этносоциальная динамика населения Вятско-Камского региона: адаптационные механизмы и практики (XV – XX вв.). Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2009.

21. Rogers Brubaker, “Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutionalist Account”, Theory and Society, Volume 23, Number 1 February 1994. URL : <http://www.springerlink.com/content/x77611u11u454p31> (дата обращения 20.02.17)

УДК 94 (470.5)”1917/1919” ББК 63.3 (235.55) 611 Код ВАК 07.00.02

В.П. Микитюк

Екатеринбург

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОРПОРАЦИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА
В 1917–1919 ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Екатеринбург, революция, гражданская война, педагоги, учащиеся, большевики.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается отношение екатеринбургских педагогов к политическим событиям 1917–1919 гг., изучаются модели поведения педагогической корпорации в условиях революций и гражданской войны, взаимоотношения педагогов с различными властями, в том числе с Временным правительством и Советами.

V.P. Mikityuk

Yekaterinburg

KEY WORDS: Yekaterinburg, revolution, civil war, teachers, bolshevists students.

ABSTRACT. in the article attitude of the Yekaterinburg teachers is examined toward political events 1917-1919, the models of behavior of pedagogical corporation in the conditions of revolutions and civil war, mutual relations of teachers are studied with different authorities, including with the Provisional government and Advices.

Для жителей Екатеринбурга, равно как и для других россиян, 1917–1919 гг. оказались чрезвычайно богатыми на крупные и слож-

нейшие исторические события. В короткий трехлетний период уместились падение самодержавия, приход к власти Временного правительства и его фиаско, захват государственной власти большевиками, бурное и страшное время гражданской войны. Пестрый калейдоскоп крупномасштабных событий, происходивших к тому же в быстром, а порой и в сумасшедшем темпе, оказал мощнейшее воздействие на екатеринбургскую педагогическую корпорацию, вынудив ее определяться с выбором между той или иной властью и заставив искать разные модели поведения, позволяющие приспособиться к быстро и постоянно меняющимся реалиям.

Уже к началу 1917 г. педагогическая корпорация Екатеринбурга являлась в достаточной степени политизированной. В ее составе находилось немало лиц, являвшихся приверженцами разных партий, в том числе радикальных. В то же время немалому количеству педагогов была присуща аполитичность: эта часть педагогической корпорации предпочитала сосредоточиться на выполнении своих профессиональных обязанностей.

Падение самодержавия и приход к власти Временного правительства стали для многих екатеринбургских педагогов полной неожиданностью. Резко и быстро изменившаяся ситуация заставила учителей определяться со своими политическими пристрастиями. Некоторая часть педагогов, среди которой преобладали люди старшего возраста, осталась приверженцами царской власти. Однако, застигнутые врасплох, они не сумели объединиться, и в основном оказались крайне пассивными участниками бурных политических процессов. Значительная часть городских педагогов, особенно из молодых, с энтузиазмом восприняла события февраля 1917 г. и приветствовала падение старой власти. Отношение же к Временному правительству у этой части учительской корпорации было далеко не однозначным. Большая часть поспешила выказать лояльность Временному правительству, а меньшая, представленная в основном приверженцами большевизма, отнеслась к нему критически.

Радикальная смена власти побудила педагогическую корпорацию приступить к выработке мер адаптации образовательной системы к новым реалиям. Впрочем, основная масса педагогов была настроена выжидательно: они надеялись, что новое Министерство народного просвещения с помощью разных нормативных документов определит

контуры необходимых реформ. Находясь в состоянии ожидания необходимых инструкций, педагогическая корпорация не оставалась пассивной.

Большинство педагогов, за исключением сторонников радикальных партий, делавших особую ставку на молодежь, были озабочены обостряющейся проблемой взаимоотношений с учащимися, а также быстро нарастающим участием последних в революционном движении. В самом начале марта 1917 г. группа учителей выпустила обращение к учащейся молодежи: «Учащиеся! Наша родина переживает великие дни. Политически опытные члены Государственной Думы призывают ваших родителей хранить спокойствие и делать каждого свое дело. Пусть и каждый из вас также спокойно, как в обычное время, делает свою работу; пусть каждый из вас будет в стороне от всех могущих быть выступлений толпы. Помните, что своим участием в этих выступлениях вы пользы не принесете, а своим спокойным отношением к происходящим событиям вы покажете, что были достойными детьми великого года» (10. С. 3).

Понимая, что одними словесными призывами учащихся не успокоить, некоторые педагоги решили направить энергию молодых в более «разумном» направлении и постарались задействовать учащихся в просветительском движении, привлекая их к лекционной работе и к обучению малограмотных солдат запасных частей. Активисты из числа педагогов отдавали себе отчет в том, что без создания новых организационных структур им не удастся ни удержать учащихся под своим влиянием, ни обеспечить более или менее нормальное функционирование учебных заведений, ни решить другие важные задачи.

10 марта 1917 г. в газетах появилось воззвание инициативной группы учителей, обращенное к городской педагогической корпорации, к коллективам школ Екатеринбургского уезда, а также ко всем, интересующимся образовательными вопросами. Его инициаторы, заявив, что «организация – вот то слово, которое определяет один из основных лозунгов момента», предложили начать работу по созданию в Екатеринбурге педагогического общества. Его главными задачами они назвали, во-первых, научно-педагогическую работу, во-вторых, просветительскую деятельность, и в третьих, организацию «нравственной и материальной» взаимопомощи в учительской среде (1. С. 3).

На пути создания организации, способной объединить всех педагогов, очень быстро обнаружилось препятствия. Одним из них были трения между учителями начальных школ и средних учебных заведений, еще больше сложностей создавали разногласия, имевшие политическую подоплеку. Наличие препятствий стало причиной создания сразу нескольких организаций. Свое общество учредили педагоги городских начальных училищ. Помимо этого возникли Уральский педагогический союз и Екатеринбургское педагогическое общество. На первых порах вновь учрежденные структуры были заняты организационной работой. В газетах регулярно появлялись сообщения о новых собраниях педагогов: «Собрание членов Екатеринбургского педагогического общества состоится в понедельник 3 апреля в 1 час дня в зале реального училища. Обсуждению подлежит вопрос о командировании делегатов на съезд всероссийского учительского союза 7–8 апреля в Петрограде, и выработанный на первом собрании комиссией проект устава общества» (8. С. 3).

На первых порах объединения педагогов были склонны к решению вопросов, не имевших значительного политического подтекста. В частности, учителей 2-й женской гимназии очень волновала процедура выборов новой начальницы. Ранее это было прерогативой попечительского совета учебного заведения и вышестоящих структур, не склонных прислушиваться к мнению учителей. В новых условиях часть трудового коллектива настаивала на своем участии в выборах начальницы. Их позиция была обозначена в открытом письме, подписанном 17 педагогами, в том числе М. Агафоновой, Л. Благушиной, А. Кульчицкой, Н. Младовым и др. (11. С. 3).

Однако, со временем ситуация в екатеринбургских учебных заведениях очень сильно накалилась: возросла политизированность учащихся, особенно учеников старших классов. Учащиеся все чаще отказывались подчиняться педагогам. В самом начале октября в реальное училище явился председатель следственной комиссии союза учащихся, который организовал многолюдное собрание. Директор училища потребовал прекращения сходки и возвращения реалистов на занятия, но получил резкий отказ. Собрание продолжилось (3. С. 3).

Практически одновременно разгорелся скандал во 2-й женской гимназии, связанный с увольнением сверхштатного учителя Н.Г. Младова. Педагог опротестовал это решение, объяснив его преследовани-

ем со стороны председателя педагогического совета. На стороне педагога выступила большая группа гимназисток. Педагоги попробовали поговорить с Младовым, но тот заявил, что «учащиеся имеют право приглашать учителей и увольнять нежелательных» (2. С. 3). В дело вмешались вышестоящие инстанции, не нашедшие в решении председателя никакого нарушения, но признавшие его действия «формальными и не соответствующими духу времени». Ответом на это решение стало заявление 30 педагогов гимназии о временном отказе от работы (9. С. 3). Впрочем, на этом конфликт не был исчерпан.

В конце октября – начале ноября 1917 г. Екатеринбург был взбужден новой конфликтной ситуацией. Все началось с попытки инспектора торговой школы А.А. Зирина убрать из учебного заведения преподавателя Д.А. Киселева, члена партии большевиков. Это повлекло за собой целую серию собраний учащихся, их родителей и педагогов, выносивших самые разные решения. В результате, попечительский совет принял решение временно закрыть школу.

Часть конфликтов пришлось на тот период, когда у власти находилось Временное правительство, другие произошли уже после большевистского переворота. Однако, почти во всех конфликтных ситуациях наблюдалось явное вмешательство Совета рабочих и солдатских депутатов, который, как правило, выступал на стороне учащихся. Представители Совета не столько помогали урегулировать конфликты, сколько подливали масла в огонь. Этим достигалось решение сразу нескольких задач. Во-первых, Совет привлекал на свою сторону часть учащихся, во-вторых, добивался увольнения ряда педагогов и отставки многих членов попечительских советов, часть из которых была настроена враждебно по отношению к революционерам.

С переходом всей полноты власти к Совету рабочих и солдатских депутатов педагогическая корпорация столкнулась с ситуацией, главным содержанием которой стало растущее вмешательство новых властных структур в дела учебных заведений. Стоит отметить, что усилия екатеринбургских большевиков по установлению контроля за учебными заведениями нашли понимание у вышестоящих властей. Постановлением от 18 апреля 1918 г. нарком просвещения А.В. Луначарский передал все учебные заведения г. Екатеринбурга в ведение Советов рабочих и солдатских депутатов. Опираясь на этот документ, екатеринбургский комиссариат народного просвещения взял на себя руко-

водство образовательной системой столицы Урала. Одним из первых увидело свет постановление об отмене формы, опубликованное 20 апреля 1918 г. и гласившее: «...ношение форменной одежды служащими, учащими и учащимися г. Екатеринбурга, а также всякого рода кокард, значков и знаков, выдаваемых по окончании учебных заведений, присвоенных ученым степеням, отменяется. Ношение студентами наплечников с вензелями бывших царей, безусловно, не должно иметь места» (4. С. 68). Это постановление педагоги встретили неоднозначно. Одним оно пришлось по вкусу, так как избавляло от весьма существенных трат на пошив мундиров и другой форменной одежды. В то же время многие учителя полагали, что постановление от 20 апреля повлечет за собой снижение дисциплины и дезорганизацию учебного процесса.

Впрочем, отмена форма была делом относительно второстепенным. Гораздо более важным был кадровый вопрос. Многие учителя отрицательно отнеслись к большевистскому перевороту и отказывались выполнять постановления Совета и комиссариата народного просвещения. В этих условиях, городской комиссариат народного просвещения, во главе которого стоял большевик Д.А. Киселев, взял курс на чистку учебных заведений от нежелательных элементов. Впрочем, в отдельных случаях Совет рабочих и солдатских депутатов самостоятельно увольнял тех или иных педагогов. Так, в феврале 1918 г. исполком Совета уволил директора художественно-промышленной школы В.М. Анастасьева, бывшего членом конституционно-демократической партии (14. С. 132).

Для организации чистки была использована идея выборов педагогов, которая после февральских событий 1917 г. была крайне популярна в ученической среде. Педагоги, в основном, к этой идее относились отрицательно. И Совет рабочих и солдатских депутатов, и городской комиссариат народного просвещения оказали мощное давление на педагогическую корпорацию, которое, в частности, выразилось в увольнении некоторых противников выборов. Несмотря на сильное давление, педагоги, поддержанные частью учащихся и родителей, некоторое время отказывались от выборов. В отдельных случаях они соглашались на выборы, но организовывали их так, что среди переизбранных оказывалось немало противников советской власти. В этих случа-

ях, результаты выборов отменялись. Подобное имело место в начальных училищах.

В средних учебных заведениях идея выборов также была непопулярна, и педагоги саботировали эту процедуру. Лишь в мужской гимназии комиссариату удалось вынудить педагогов принять участие в процедуре выборов, которым пришлось направить соответствующее заявление на имя комиссара народного просвещения. Всего поступило 20 таких заявлений, в основном, очень кратких. Так, преподаватель графических искусств А.А. Шереметевский в заявлении от 3 апреля 1918 г. написал: «Желая продолжать службу в мужской гимназии, прошу считать меня кандидатом при выборах по гимназии» (5. Л. 36).

4 апреля 1918 г. кандидатуры А.А. Шереметевского и 19 его коллег были подвергнуты баллотировке. Впрочем, члены избиркома в протоколе нарекли состоявшуюся процедуру «боллотировкой». Состав избирательной комиссии состоял из 21 человека: нескольких служащих городского комиссариата народного просвещения и большой группы учащихся, среди которых наиболее заметной была фигура И.Л. Дукельского. 16 преподавателям удалось пройти через сито выборов без особых проблем. Например, А.А. Шереметевский получил 21 голос «за» и ни одного «против». Не повезло директору гимназии А.К. Яненцу и трем его коллегам (Бернеру, Громеко и Эбергарду), которые получили от 16 до 20 голосов «против» (6. Л. 33). Провал директора вполне объясним, так как он пользовался устойчивой репутацией сторонника старого режима. Педагогу Громеко аукнулся конфликт с учащимся, имевший антисемитскую подоплеку.

Игнорирование процедуры выборов многими педагогами или неудачный исход выборов привели к тому, что комиссар народного просвещения в начале лета 1918 г. приступил к массовым увольнениям учителей. В частности, досталось учителям начальных школ. 5 июня 1918 г. увидело свет постановление № 46 комиссариата народного просвещения, согласно которому была уволена от службы большая группа «учащих прежнего состава». Так, Гоголевское училище в один присест лишилось шести педагогов, Нафанаиловское трех, из Тургеневского и Вознесенского было уволено по четыре учительницы (7. Л. 98). Вакансии были заполнены педагогами, которые казались новой власти вполне благонадежными. Увольнением 17 педагогов дело не ограничилось. 7 июня 1918 г. комиссар народного просвещения Д.А.

Киселев издал постановление № 49, которым было уволено еще 14 учительниц начальных школ (12. С. 1). Стоит отметить, что многие из уволенных учительниц были ветеранами на педагогическом поприще. Некоторые из них сыграли важную роль в организации начального образования в Екатеринбурге и пользовались заслуженной популярностью в обществе. Например, А.И. Шапошникова, окончив в 1876 г. женскую гимназию и получив звание домашней наставницы, тут же стала преподавателем в начальной школе. К моменту увольнения ее педагогический стаж превысил 40 лет. А.П. Беренова, выпускница епархиального училища, с 1889 г. трудилась в Свято-Духовской церковно-приходской школе. За свою плодотворную деятельность была отмечена серебряной и золотой медалью. Кроме того, она была очень любима учениками.

Дальнейшая чистка педагогического состава была прервана всполохами гражданской войны. После того, как части Красной армии оставили Екатеринбург, жизнь в городе стала постепенно нормализоваться. Постепенно многие учебные заведения возобновили свою работу, а уволенные учителя смогли вернуться к педагогической деятельности. Новый период в истории екатеринбургской педагогической корпорации, занявший около года, был насыщен сложнейшей работой, которая протекала в чрезвычайно сложных условиях. Педагогам пришлось столкнуться с нехваткой продовольствия и других предметов первой необходимости, с различными эпидемиями, которые порой приводили к временному закрытию учебных заведений, с реквизициями помещений для воинского поста. Кроме того, некоторые учителя, приверженцы социалистических идей, встретили не только враждебное отношение части коллег, но и подверглись преследованиям со стороны военных властей. Тем не менее, педагогам удалось более или менее наладить учебный процесс во многих начальных и средних учебных заведениях, которые функционировали по июль 1919 г. Были реанимированы некоторые старые организации, в частности, возобновил работу Уральский педагогический союз. 3 ноября 1918 г. начало действовать новое профессионально-педагогическое общество (13. С. 2).

Летом 1919 г. ситуация на фронте радикально изменилась. Новое наступление Красной армии привело к тому, что в Екатеринбурге была объявлена эвакуация. Многие учебные заведения подчинились это-

му приказу и покинули город. Немалая часть педагогической корпорации также отправилась в эвакуацию. Часть из уехавших учителей позднее вернулась, другие педагоги осели на территории Сибири и Дальнего Востока. Немалое количество педагогов отказалось эвакуироваться, некоторым из них впоследствии удалось устроиться на работу в советские образовательные учреждения.

1917–1919 гг. стали временем серьезных испытаний для педагогической корпорации Екатеринбургa. В этот период корпорация оказалась разобщенной из-за значительных политических разногласий. Небольшая часть учителей осталась приверженцем старой власти, многие педагоги признали Временное правительство, относительно незначительное количество учителей оказалось сторонниками советской власти. В силу этого педагогическая корпорация подверглась чистке по политическим мотивам. Многие из педагогов, оставшиеся в Екатеринбургe после июля 1919 г., не смогли вписаться в существующие реалии и потеряли возможность работать по профессии.

Источники:

1. Воззвание к учащим // Зауральский край. 1917. 10 марта.
2. Во II-й женской гимназии // Зауральский край. 1917. 11 октября.
3. В реальном училище // Зауральский край. 1917. 8 октября.
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1600. Оп. 1. Д. 5. Л. 68.
5. Там же. Д. 7. Л. 36.
6. Там же. Л. 33.
7. Д. 5. Л. 98.
8. Городская хроника // Зауральский край. 1917. 2 апреля.
9. Заявление педагогов // Зауральский край. 1917. 18 октября.
10. Обращение к учащимся // Зауральский край. 1917. 8 марта.
11. Письмо в редакцию // Зауральский край. 1917. 9 апреля.
12. Постановление народного комиссара просвещения // Известия Уральского областного совета рабочих крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского совета рабочих и солдатских советов. 1918. 11 июня (29 мая). С. 1.
13. Профессионально-педагогическое общество // Уральская жизнь. № 204. 1918. 7 ноября С. 2.

Литература:

14. Бахтина И.Л., Попов М.В., Общеобразовательные школы и учительство Екатеринбургa в годы российской революции (февраль 1917 – июнь 1919 г.). // Педагогическое образование в России. 2016. № 9.

УДК 94(47)+373

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

И.А.Новиков

Челябинск

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ЮЖНЫЙ УРАЛ-ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Историко-культурный стандарт, Южный Урал, Великая российская революция, «красные», «белые», «голубые».

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрена постановка проблемы отражения событий Великой российской революции в региональном и локальном измерении на примере Южного Урала – Челябинской области. Подтверждается, что они отличаются от устоявшихся стереотипов и концепций, что подтверждает необходимость их рассмотрения на микроуровне.

I.A. Novikov

Chelyabinsk

DEBATABLE QUESTIONS OF REGIONAL HISTORY: THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION: SOUTH URAL-CHELYABINSK OBLAST

KEY WORDS: Historical and cultural standard, the Southern Urals, the Great Russian Revolution, "red", "white", "blue".

ABSTRACT. The article considers the problem statement reflect the events of the Russian Revolution in the regional and local dimension in the example of the Southern Urals – Chelyabinsk Region. It is confirmed that they are different from stereotypes and concepts, which confirms the need for their consideration at the micro level.

Историко-культурный стандарт по истории России выделяет «трудные» вопросы истории России, которых в конечном итоге осталось 20, сократившись с 32. По нашему мнению термин «трудные» лучше заменить на дискуссионные, так как это в большей степени будет отражать разные методологические, концептуальные и историко-